

Вера Калмыкова

Прощай, риторика

* * *

А.М. Ревичу

Не знает никто, а ляжем в одну колоду,
и станет нас тасовать неумный зодчий.

Дочка Дантеса свихнулась на почве любви к поэту.
Внучка Мартынова пожизненный срок мотала
в Тарханском музее (должность – зам по науке).
Директор совхоза представился: «Аракчеев».
«Бенкендорф», – инструктор райкома пожал дружелюбно руку.

Муромский антиквар, Ильи некровный потомок,
мне вазочку продал,
точь-в-точь такую,
как была в доме моего прадеда,
когда в Оршу пришли фашисты.
Может, это она и есть.

* * *

Так боязно решиться быть счастливой.
Какой же это труд – держать себя
на волоске и, чувств не торопя,
событьям разрешить ползти лениво.

Скрипят, кренясь, сердечные скрижали,
так мягок этот древний известняк,
что странно – не смывается никак
избитый текст о боли и печали.

А будущее – здесь. Оно на грани.
Закрутится немислимый виток
и нежностью, накопленную впрок,
изменит абрис прежних начертаний.

Ты часть меня, живущая отдельно.
Недаром полюбило сердце нить:
когда тоска – связующая нить,
порвав ее, разрушу облик цельный.

Сны не-Татьяны

1.

День за днем
сочиняется очень страшная сказка.
Захожу в лес,
иду вглубь,
тропинки, как водится, нет,
вокруг темне-
ет.
Из-за деревьев выходят ко мне
разные звери.
Некоторые ластятся,
иные рычат,
третьи кусаются.
Только это меня не касается.
Мне все равно.
Много деревьев,
разнообразен рельеф,
но мне что за дело?

Иду себе смело.
А чего бояться,
если не понимаешь,
зачем,
даже если идешь ночью.
Очень страшная сказка.
Очень.

2.

...бреду одна в лесу оледенелом.
Прозрачны ветви хрупкие, и солнце
сквозь тонкие ледышки ясно светит.
Я трогаю их пальцами – звенят,
но почему-то ни одна не тает.

Я в шубе, кажется, расстегнутой.
Дорога
ложится там, куда хочу идти.
И всюду ледяные ветви тонко
звенят и ломко бьются о лучи.

К чему бы этот сон
лет сорок снится,
а может, и поболее?
Не пойму...

Ответ

Алексею Ивантеру

Творенье не закончено, покуда
сочится речь, не вымирает чудь,
и с каждый мигom вырастает чудо –
ведь речью мир творится по чуть-чуть.

Когда сказался стих и свиток скатан,
ответ увидишь: в небе, далеко,
разбеленное золото заката –
как солнце, залитое молоком.

Ввинтиться глубже в смыслы вековые,
продлив цепочку, продолжать обмен,
хоть никогда не написать впервые:
«Кузнечик дорогой, коль много ты блажен...»

* * *

Прощаться с тобой?
Вот еще не хватало!
Без того мне секунд
остается так мало,
мне с земли ничего
не забрать бы украдкой,
здесь бы вылюбить эту любовь
без остатка,
чтобы все, что она
вобрала и впитала,
растворилось бы в мире,
больном и усталом.

Я так много присвоила,
часто – без права,
что мне выбор – тюрьма
и надежда – отравка,
мне с долгами б успеть
расплатиться вчистую,
чтобы в час возвращенья,
звеня и ликуя,
улетать, ничего
не похитив отсюда.

Кроме этого чуда.

* * *

Сегодня день для этого стиха,
для протяженности его телесной.
Позволь ему родиться и вдыхать,
пускай продлится и воскреснет.

Прощай, риторика. Грамматика, прости.
Меня косноязычнее не сыщешь.
Но кто еще зовет его расти
и стать готов кровавой пищей?

Ведь только кровью насыщаются слова,
чтоб засверкать единственную гранью,
новорожденной сутью вещества,
простой, как жизнь.
Прозрачной, как дыханье.

* * *

Речь творить – это такая работа,
необходимая всем, не нужная никому,
шток пространства, чтоб залатать пустоты.
Роковое счастье, я бремя твое приму,

чтобы речь тянуть, нарочно не видя края,
на пустоту обращать внимание перестав,
из молчанья слова доставая,
корявые буквы – из глубины листа.

* * *

Так хочется выдохнуть,
выкрикнуть, вы-
расти и сознание тянуть наизнанку,
чтоб полную грудь глотнуть синевы –
наживку, насадку, ловушку, приманку.

И так невозможно на месте стоять,
толпиться, толкаться, слоняться без дела,
беречь про себя обжигающий яд
капризного, нервного, ломкого тела.

И так безответно, что ищешь вокруг
последний, предельный момент разрешения,
какой-нибудь слабенький, хиленький звук –
иллюзию, видимость, призрак движенья.

И нет его, нет, хоть разбейся навзрыд,
и снова вовне убегаешь бессрочно...

Душа хладнокровно на месте стоит,
в себе обретая опору и точку.

* * *

Для каждодневного страданья нет мелодий,
напева нет для боли бытовой,
и не сочтешь, который шаг не пройден
Русалочкой – соломенной вдовой.

Какой ей смысл, освобождая сети,
самой все в тот же невод попадать,
в нем счастья нет как нет, покой запрещен,
а возраста невыносима кладь.

И ей, безногой, только и осталось –
застыть во льду, от дела уклонясь,
ведь у живущих ветренная старость
пройдет быстрее, чем медленная страсть.

